

Михаил Вильдт
Людвиг Вильдт

16+

Большая игра в рукаве Ориона

Роман первый: Неизвестная сигнатура

Михаил Вильдт

**Большая игра в рукаве
Ориона. Роман первый:
Неизвестная сигнатура**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Вильдт М. А.

Большая игра в рукаве Ориона. Роман первый: Неизвестная сигнатура / М. А. Вильдт — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Далёкое будущее. Разделённое на два вида человечество сталкивается в межзвёздном конфликте. "Альянс Свободных миров", - пространство нового, модифицированного человечества с одной стороны и "Империя Сапиенс" и "Конфедерация Русских Планетных Систем" с другой, сталкиваются в непримиримой схватке за вновь освоенные планеты и за контроль над таинственными точками перехода, чья природа и принцип действия загадочны и непонятны.

Путь ганзейца прост. Мы строим корабли, продаем корабли, сопровождаем корабли. Находим планеты, зачищаем планеты, защищаем планеты. Иногда продаём планеты. Всё решает Кёльн и сотня капитанов универсальных кораблей класса «Кракен». 4 адмирала и гросс- адмирал. Это и есть Ганза.

«Четвёртый адмирал» Ганзейского Союза Федор Головин.

«Большая игра в рукаве Ориона».
Роман первый. «Неизвестная сигнатура».

Посвящается Альберту Людвиговичу Вильдт,
русскому учёному немецкого происхождения,
чей взгляд был всегда обращён к звёздам.

18 мая 2018

1.Свободный охотник.

*Do estis sinjoroj
de la unua tago de kreo.
Tri pereos en Romo
Kaj kvar en Cartago.*

**Federico García Lorca
Preferata poeto pri antikva tempo, Hubertus Cassadore**

*Так повелось, сеньоры,
с первого дня творенья.
В Риме троих недочтутся
и четверых в Карфагене.*

**Федерико Гарсиа Лорка,
любимый поэт древности команданте Хубертуса Кассадора.**

На той части планеты, которая была обращена к звезде Урса, был день. Террасаконтера*Альянса Свободных Миров, «Дева Марина», висела на орбите этой планеты, подрабатывая двигателями и корректируя своё положение. Она подходила всё ближе к глобусу чужой планеты, она была уже настолько близко, что стала видна тонкая, нежная, прозрачная атмосфера планеты. На синем фоне океана два небольших материка чем-то напоминали двух дельфинов, обращённых своими весёлыми мордами друг к другу.

Команданто Хубертус Кассадор – командир звена свободных охотников террасаконтеры*– смотрел на узкую полосу в той части планеты, где наступало утро. По местному времени было тоже утро, и техники проверяли готовность «мачете»* к вылету. Сорок машин стояло на взлётной палубе. Среди них был и его «мачете», и ещё две машины его звена.

Шёл уже шестой день операции, успешной операции Альянса Свободных Миров. Осадой Остзее, или «Планеты Братьев», если использовать правильное название на интерлингве, командовал капитан – навигатор*, дон Мариано Франциско. У него, бывшего «Четвёртого адмирала» Ганзейского Союза были свои счёты с теми, кто всё ещё руководил сопротивлением

на этой планете. И задание, которое вчера вечером получил Хубертус Кассадор, было напрямую связано с человеком, лично известным как дону Мариано, так и самому Хубертусу.

– Вы ведь помните капитана фон Касселя, команданте? – спросил дон Мариано, – Этого чертова остзейца?

Хубертус кивнул. Как не помнить. История нашумевшая, стоившая Мариано Франциско его поста «Четвертого адмирала» Ганзейского союза.

– Я хорошо помню капитана фон Касселя, дон капитан-навигатор, – ответил он.

– Я поручаю Вам взять его живым и привести ко мне. Это моя просьба. Личная. Понимаете, Кассадор? – сказал дон Мариано.

– Нет ничего проще, – ответил Хубертус, – только мне понадобится моё звено. Мои Пуло и Дио, «мачете» номер сто двенадцать и сто тринадцать. Снимите их с плановых полётов.

– Это возможно, – кивнул в ответ дон Мариано, – Дела оборачиваются так, что завтра – послезавтра наша и ганзейская пехота уже смогут занять дворец.

Команданте Кассадор не был так оптимистичен в своих прогнозах, остзейцы дрались очень неплохо, но возражать не стал.

– Если фон Кассель утром выйдет в небо планеты, днём он будет пленником на Вашей террасаконтере, дон капитан-навигатор, – сказал Хубертус.

– Очень надеюсь, – ещё раз кивнул головой дон Мариано, – Но, если что-то пойдёт не так, не убивайте его. Речь идёт о моей чести, понимаете?

Хубертус понимал. Дон Мариано стал посмешищем, несмотря на свои заслуги. Смешные люди не бывают адмиралами. Ему нужна его дуэль с этим остзейским выскочкой, отснятая на видео, где он растерзает своего оппонента и вернёт свою честь.

История была давняя. Когда-то, много лет назад, зашла речь о продаже герцогством Остзее очень крупного астероида, по сути, небольшой планеты неправильной формы. Астероид Тобаго, или если угодно, планетоид, был очень интересен с коммерческой точки зрения. Содержание в нём сверхредких металлов, применявшихся для производства «контурных» двигателей, зашкаливало. А уж на «контурных» ходят все известные в наше время корабли внутри планетных систем.

Ничто не предвещало скандала, когда Герцог Остзейский, брат Кайзера, Фридрих фон Цоллерн, прибыл на астероид со своим личным эскортом. Эскорт состоял из ветеранов-остзейцев, весьма неприятных сапиенс. Командовал ими, тогда ещё оберлейтенант, Франц фон Кассель. Альянс Свободных Миров представлял дон Фернандо Мигель Спарта, в чей эскорт входил Хубертус. «Преданный слуга народа», дон Спарта, был одним из «скрытых» членов Верховного Совета миров homo praeteris.

Адмирал Мариано Франциско представлял якобы незаинтересованную сторону – Ганзейский Союз, тогда ещё державший полный нейтралитет.

С точки зрения остзейцев-сапиенс, игра была нечестной, так как представитель Ганзы играл на руку соотечественникам из Альянса. Но на стороне Альянса были Добро и Справедливость, вера в Лучшее Будущее человечества. А поэтому дон Мариано не чувствовал себя неправым. Переговоры завершились, документы были подписаны и переформатированы в соответствующие файлы, обеспечивавшие юридическую весомость в пространствах интернет обоих миров, колоссальная сумма – стоимость астероида, переведена на соответствующие счета.

Хорошее было время. Герцог Остзее Фридрих, тогда, под давлением Альянса, продавал и уступал всё, что можно, надеясь избежать войны и справедливого возмездия. Сейчас он находится в бункерах своего осаждённого дворца «Фридрихсхалле». Где-то рядом с герцогом находится и тот самый фон Кассель... Так что это та месть, то самое блюдо, которое подают холодным.

– Очень надеюсь на Вас, – кивнул головой дон Мариано, – Но, если что-то пойдёт не так, не убивайте его. Речь идёт о моей чести, понимаете?

– Я окажу Вам эту услугу, дон Мариано, по милости Сераписа! – ответил Кассадор.

– Значит, завтра у Вас свободная охота, команданте. Пуло и Дио Ваши. – махнул рукой дон Франциско, отпуская его.

Кассадор повернулся и, вызывая «подаренных» ему капитаном-навигатором пилотов, улыбнулся кисло, припоминая события с фон Касселем более подробно.

Тот самый астероид Тобаго, из-за которого всё и случилось, был продан почти задаром, благодаря вмешательству истинного терриса*, им был Адмирал Ганзейского Союза Мариано Франциско, поддержавший представителей Альянса.

Всё, что произошло потом, можно было бы отнести к досадным недоразумениям, если бы представители свободной журналистики не устроили из этого настоящую травлю дона Мариано. Сначала такие, как подонок Анатолий Ришар и его коллега по цеху, Катарина Ралль. Эту травлю так или иначе вынуждены были освещать и масс-медиа Альянса. А уж имперская журналистика сделала всё, чтобы пустяковое событие стало новостью номер один.

Когда герцог Фридрих отбыл на свой личный рейдер, эту проклятую «Серебряную тень», с ним ушла часть эскорта. «Тень» была двойником личного корабля кайзера Вильгельма «Erfinder»*, технологии и свойства этого рейдера- «невидимки» были предметом заслуженного опасения Серапеона.*

Оберлейтенант фон Кассель, всегда исполнявший обязанности офицера герцога по особым поручениям, остался, чтобы уладить мелкие формальности. Ничто не предвещало неприятностей.

НО!

Теперь уже бывшие владельцы астероида, семья, то ли имперцев, то ли русских, имевших подданство Остзее, как-то проникла в помещение, когда проходил брифинг для прессы по результатам этой крупной сделки. И перед всеми присутствующими, вдруг озвучила своё желание не оставлять их на астероиде, ставшей частью Свободных миров. Напротив, они просили эвакуировать их в систему Остзее, в Кёнигсберг. Ситуация становилась неприятной, учитывая тот факт, что в помещении находились представители прессы. Был ли это трюк остзейцев, или всё случилось само собой – до сих пор неизвестно.

Естественно, что по законам как Империи, так и Альянса любой индивидуум, вне зависимости от степени модификации имеет нерушимое право на выбор зоны традиций. Человек может решать в любой момент своей жизни – оставаться ли ему в системах сапиенс, или вернуться в «Пояс Златовласки» – колыбель человечества из трёх планет, около звезды Солнце.

Но прямая трансляция событий, связанных с самой крупной сделкой года, шла в интернет Альянса уже много месяцев, продажа астероида подавалась, как финансовое оформление прогрессивного желания немногочисленных жителей Тобаго стать частью более прогрессивной ветви человечества – частью общества homo preteris.

И вдруг...

В центр круглого помещения, где проходил брифинг, вышла девушка. Роста она была среднего, белоснежные волосы стянуты в тугий узел на затылке. Модифицировала ли она себя и сколько раз – непонятно. Одета в простой костюм пилота, какой носят фермеры на окраинах Рукава Ориона. Глаза пронзительно синие, взгляд спокойный. Сказала просто:

– Я ХОЧУ ОСТАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ...

Выразить эту мысль можно было по-разному, но она сказала именно так. Неполиткорректно. Многие говорили, что с этой фразы могла бы начаться Первая Галактическая война. Она и началась с этой фразы, если хорошо разобраться.

Фразу запомнили, а девушку нет. Или запомнили, но не очень. Наверное потому, что почти сразу её лицо и фигуру скрыли какие-то люди, по-видимому, её земляки. Но Хубертус запомнил каждую черточку на её лице и океан голубых глаз. Много раз он задавал себе вопрос,

почему медиа тиражировали выступления других людей, вставших вокруг неё. Всем известно, что медиа редко упускают выгодную картинку.

Короче говоря, выходило так, что кучка ненормальных сапиенс, не понимая своего счастья, требовала вернуть их во тьму неомонархического, неофеодального мира. Именно так выглядела политическая система Империи Сапиенс во всех учебных играх и пособиях в пространствах прогрессивного Альянса.

Самое скверное, что среди людей, сделавших после белокурой бестии заявления на камеры, были женщины и дети, а у сапиенс рудимент такого общественного института, как семья, всё ещё существовал в совсем архаичном виде. Это с точки зрения нормального, современного человека. Личные привязанности всё ещё их больное место. Эта разновидность человека всё ещё недостаточно индивидуальна. И это делает сапиенс ещё более уязвимыми, чем они есть.

– Я, оберлейтенант Имперского флота, капитан рейдера «Серебряная Тень», Франц фон Кассель, именем Герцога Остзейского, гарантирую права этих людей, – сказал тогда этот чёртов остзеец перед камерами, поднимая свою руку в латной перчатке в знак того, что он принимает на себя всю ответственность за принятое решение и его последствия.

Теперь появлялась проблема не только отмены сделки, имевшей в информационном пространстве Альянса идеологическую подоплёку, но и необходимость нейтральному до сих пор Ганзейскому Союзу принять одну из сторон противников намечавшегося конфликта.

Дон Фернандо Мигель Спарта, «преданный слуга народа», просчитал всё сразу и просто поднял обе руки, как представитель Альянса, «отпуская» щекотливую ситуацию.

Зачем Мариано Франциско сделал то, что он сделал, осталось загадкой для Хубертуса до сих пор. Но опрометчивый шаг был совершён.

– Ганзейский Союз требует подтверждения сделки, – вдруг громко произнёс целый адмирал Ганзы, дон Мариано, оказавшись один на один перед камерами журналистов с остзейским оберлейтенантом.

Фон Кассель махнул рукой и остзейский эскорт в тяжёлых, чёрно-белых имперских доспехах, взяв на изготовку стрелковое оружие ближнего боя, спрятал за своими спинами людей, просивших убежища.

– Именем Герцога! – сказал фон Кассель, – Эти люди подданные Империи Сапиенс и заявили о своём желании сохранить подданство и гражданство.

– Ганзейский Союз возражает и требует признать сделку, – повторил дон Мариано бескомпромиссным голосом.

– Ганзейский Союз требует принуждать людей к смене видовой принадлежности? – рассмеялся фон Кассель. – А этот человек, представляющий в Ганзе Альянс, – продолжал он, обращаясь к на всё готовым акулам пера, – нарушил принцип дипломатического невмешательства и потерял честь. – Какой же ты террис, – сказал дону Мариано остзеец, – если тащишь в свой счастливый мир людей против их воли? Ты, сверхчеловек, любишь деньги больше ганзейцев?

Это было больно. Больно для донна Франциско, ощущавшим себя в Ганзе и так совсем чужим.

– Я следую интересам Ганзы, какие бы они ни были, – пробовал настаивать Мариано. Это была ошибка.

– Ты лжёшь, – громко, минуя обращение на «Вы» к официальному лицу, сказал остзейский офицер, – это и ребёнку понятно. У тебя ведь какие-то личные причины, не так ли? – развил фон Кассель тему любви донна Франциско к деньгам.

Дон Мариано не сдержал себя и это стало самой его большой ошибкой в тот вечер.

– Я вызываю тебя, – почти прокричал он в ответ чертову адъютанту герцога, – если ты не заберёшь свои слова обратно!

Но забрать слова вообще невозможно, а в ситуации, когда на тебя ещё и смотрят сотни глаз?

Хубертус прекрасно видел, что остзеец пользуется тем, что дон Франциско вышел из себя и уже не понимал, что он говорит. Остзейский офицер спокойно повышал градус конфликта дальше.

– Do estu!* – ответил дон Мариано, начиная боевые метаморфозы.

Фон Кассель недипломатично ухмыльнулся и вытащил шпаду, она вспыхнула разрядами. Он сделал несколько взмахов, расчищая от людей место возможной дуэли, и провоцируя далее своего соперника:

– Если ты представляешь Ганзу, дерись, как ганзеец, – сказал Франц фон Кассель, взмахнув шпадой у самых глаз терриса – Не пугай детей, не превращайся в жабу.

Фраза была верхом неполиткорректности, осуждаемой обоими видами человечества.

И здесь Мариано Франциско сделал вторую ошибку. Он не мог её не сделать, несмотря на свой высокий статус.

– Я буду драться с тобой, как солдат Альянса, – сказал он продолжая менять облик. Этого не должен был говорить тот, кто представлял нейтральную Ганзу.

Выйдя из себя, он нарушил дуэльный кодекс, не прореагировал на предупреждение его противника об этом и, таким образом, развязал фон Касселю руки.

После этого и произошла сцена, облетевшая все медиаресурсы обитаемых пространств.

Фон Кассель легко, привычным движением опытного фехтовальщика отскочил, как по льду, назад, ещё раз поднял руку, подавая знак своим людям, раздался щелчок, и управляемая сетка «V-5»*, из металлических микроволокон, применявшаяся имперцами для очистки экзопланет от опасных хищников, плотно прилипла к телу дона Мариано.

– Заберите это животное, я предлагал благородную дуэль на шпадах уважаемому «Четвёртому адмиралу» Ганзейского союза, – обратился оберлейтенант к дону Фернандо Спарта, представлявшему Альянс и бывшему соотечественником потерпевшего и свидетелем происходящего – Повторяю, как офицер Имперского флота, я забираю этих людей, – ещё раз громко, так чтобы все услышали, сказал Франц фон Кассель.

Дон Спарта напрямую представлял Альянс. Он был опытен, очень опытен и понимал, что теперь вопрос о собственнике астероида становится неясным, а история, в которую он попал, внезапно стала такой, где важнее сохранить лицо, а не деньги.

Он легко простился с прибылью.

– У Альянса нет претензий, – поспешил заверить дон Фернандо перед камерами, не зная, чем обернётся такая история, обещавшая стать громкой.

– А Ганза, я думаю, на этот раз промолчит, – ответил за дон Франциско оберлейтенант, под взрыв общего смеха, – Я сделал это не из вражды к террисам, но только защищая своих людей и выполняя свой долг.

Хубертус Кассадор и другие солдаты и офицеры Альянса, сопровождавшие дон Фернандо Спарта, были готовы драться, и в клочки порвать этих остзейцев прямо тогда. То, что совершили остзейцы, больше было похоже на пиратство.

Но дон Фернандо был опытен, опытен и рассудителен, поэтому все услышали осторожное:

– Нас рассудит время.

И время рассудило, подтверждая правоту и осторожность «слуги народа».

Сейчас, «Дева Марина» уже почти неделю висела на орбите Остзее. На планете идут бои, а Герцог с фон Касселем дерутся теперь за собственные, жалкие жизни сапиенсов у самого дворца – последнего оплота Остзее.

Команданте Хубертус Кассадор – командир звена свободных охотников террасаконтеры смотрел на узкую полосу в той части планеты, где наступало утро. По местному времени всё ещё было утро, и техники проверяли готовность «мачете» к вылету. Сорок машин стояло на взлётной палубе. Среди них была и его «мачете», и ещё две машины его звена.

Звуки шагов и знакомые голоса отвлекли его, возвращая в реальность.

– *Mia amiko**, – сказал друг Пуло, подходя к нему, и касаясь ладонью плеча в знак приветствия, – нет ничего проще, чем задача, которую ты поставил.

– *Estro nia**, – сказал друг Дио приветствуя Хубертуса, – нет ничего приятнее свободной охоты на чужой планете. Мне уже порядком надоело сбивать истрёпанные «гепарды»* сапиенс, заходящие на посадку. Хоть посмотрим на эту планету прежде, чем дон Мариано уведёт нас отсюда.

У этой планеты Хубертус был в первый раз. Планета, величественно плывшая в огромном бортовом экране взлётной палубы террасаконтеры, называлась Остзее* на местном, имперском языке, и «*La planedo de la fratoj*»* на интерлингве, родном языке Хубертуса. Остзее находилась в 27 световых годах от Венеры. Недостижимое расстояние, если бы не точки перехода, тайна установки которых всё ещё находится в руках у имперцев и их сумасшедшего кайзера. Три материка Венеры – Земля Афродиты, Земля Иштар и Земля Фебы, выглядели совсем по-другому, чем местные.

На языке Империи Сапиенс местные материка назывались «*Länder der Dioskuren*»*. Наверняка в честь их кайзера и его брата.

Внезапно, имя Диоскуров почему-то напомнило Хубертусу о доме. Хотя, у него никогда не было дома в привычном для сапиенс смысле. Только чувство. Только точка в пространствах, на картах, в памяти. Город, расположенный на планете, проплывавшей сейчас перед опытным боевым пилотом, назывался Кёнигсберг и был последней точкой сопротивления в том коротком конфликте, что чуть было не перерос в Первую Галактическую войну.

«Дева Марина» уже почти неделю висела на орбите Остзее. Однако, редко что-то проходит идеально и силы Альянса не смогли высадить полноценный десант после того, как планетарная противовоздушная оборона почти перестала существовать. Один из ганзейских союзных "кракенов"* сел на планету и выгрузил кампфгренадирскую* бригаду Ганзейского Союза в полном вооружении рядом с городом. Молча и ничего не объясняя.

На кракене находился новый «четвёртый»* адмирал Ганзы, сапиенс, пришедший на место дон Мариано, из-за чего Альянс потерял перед самым конфликтом с Империей свою часть контроля над Ганзейским союзом.

Это факт затруднял позитивное общение между новым адмиралом-сапиенс и Мариано Франциско, для которого такое соседство было просто плевком в лицо. Нахождение молчаливых ганзейцев, на планете, делало невозможным бомбардировку города с орбиты. Но, конечно, ровно до тех пор, пока Ганза – союзник Альянса. Можно было высадить людей и технику, посылать подкрепления с орбиты, но покончить с городом одним ударом с орбиты – нет.

Приходилось использовать тактику истощения сил защитников дворца "Фридрихсхалле", который был одним из архитектурных символов Империи.

Это не стало большой проблемой, и к тому же давало возможность дону Мариано надеяться отомстить за тот самый случай на Тобаго лично, захватив живым и герцога Остзее Фридриха, что было чётко поставлено, как цель, Серапеоном, а заодно фон Касселя, ставшего после того случая героем светских хроник и получившего повышение до капитана эскорта герцога. Общество Свободных миров должно получить виновных в разжигании войны и увидеть справедливый и заслуженный военный трибунал.

Всё это хорошо понимал команданте Хубертус Кассадор, бывший свидетелем той самой сцены.

Пуло и Дио, были друзьями Кассадора по фаланге*. Они оказались в соседних регенераторах, переплавляя свои тела во славу Сераписа. Выйдя из них, и надевая новую форму, ощущая в себе новые, неведомые им силы, они решили держаться вместе. Все трое понимали, как им повезло. Близилась война с Империей и Альянсу нужны были новые бойцы, которые добровольно откажутся от «чаш удовольствий» и возьмут на себя нелёгкую ношу защиты и управления новыми планетами. Родители Пуло, что было видно из его имени, были, скорее всего из господской касты Исиды. Родители Дио, как можно было предположить, из высшей касты Диониса. Своих родителей Хубертус, у которого как-то получалось быстрее продвигаться по ступеням военного ремесла, не помнил. Да и мало кто, знал своих родителей. Человек бескрайний и совершенный не нуждается в животных привязанностях, свойственных виду сапиенс.

Команданте Хубертус Кассадор – командир звена свободных охотников террасаконтеры смотрел на узкую полосу в той части планеты, где наступало утро. По местному времени всё ещё было утро, и техники проверяли готовность «мачете» к вылету. Сорок машин стояло на взлётной палубе. Среди них была и его «мачете», и ещё две машины его звена.

– Ещё одна планета, подаренная ганзейцам, сказал Пуло, намекая на «кракен», гигантский силуэт которого они видели каждый день рядом с городом, над которым дрались. – Я хотел бы знать, зачем мы здесь?

– Почему наши союзники не хотят помочь нам, Хубертус? – прямо спросил Дио. – Неужели мы здесь только ради пленника, которого дон Мариано убьёт перед камерой, спасая свою честь?

Хубертус не знал, что ответить. Он верил, что когда-то и на этой планете наступит Счастье Свободного Выбора. Люди заговорят на одном языке и познают истинную свободу, измеряемую простыми словами: «Делай как велено лучшими». Не все, конечно изберут нелёгкий путь «слуги народа» и будут призваны Серапеоном* служить ему. Большинство останется в двух высших кастах – Исиды и Диониса, чтобы «черпать радость жизни полной чашей», как сказано в «Kodo de la plej bonaĵ», «Кодексе наилучших». Для себя Хубертус Кассадор избрал другой путь. Путь слуги народа означал нести счастье туда, куда бежали sapiens, не принявшие совершенства, не взявшие гордое имя «homo praeteris».

– Серапеон принимает наилучшие решения, – ответил друзьям Хубертус, – а мы исполняем их во славу высших каст.

Первые двадцать мачете в конфигурации штурмовки, под завязку гружённые тактическими бомбами, начали взлетать с палубы террасаконтеры парами. За ними, тоже попарно, потянулись машины прикрытия. Последними взлетели машины сто одиннадцать, которую вёл Хубертус и следующие два номера, на которых на задание вместе с ним шли Пуло и Дио.

– Пойдём над морем, командир? – предложил Дио, после того как тройка "мачете", падая на планету, прошла плотные слои атмосферы – оно здесь красивое, как у нас, на Венере.

– Только похолоднее будет, – добавил Пуло в котором проявлялся, в последнее время, пессимизм по любому поводу.

– Пойдём, – неохотно согласился Хубертус, уводя своих друзей резко вниз, – Напомню, что нам сегодня не нужны все, их хорошо свяжут боем после бомбёжки. Нам нужен только сапиенс с именем Франц фон Кассель.

– Да знаем мы, командир, – проворчал Пуло, – сядем на хвост, может удастся даже, посадить его вместе с его «гепардом».

– Было бы славно, – сказал Хубертус, не разделяя сейчас оптимизма своего друга.

Три «мачете» шли низко над морем туда, где на тактической карте был отмечен маркером дворец «Фридрихсхалле».

– Безнадёжно они дерутся, – сказал Дио, глядя на боевую статистику последнего дня. – Глупая храбрость.

– Но дерутся имперцы хорошо, – ответил ему Хубертус, – Поэтому, будь осторожен, друг мой.

Хубертус назвал остзейцев имперцами, не делая разницы. И те и другие – сапиенс. Тупиковая раса. Слабая и старая.

– Смотрите, киты! – сказал Пуло, глядя на спины и хвосты огромных, даже с высоты полёта их «мачете», животных.

– Черная спина, красный плавник, это остзейская касатка, – авторитетно заявил Дио, любивший знать всё о фауне других планет.

– Очень красивый хищник, – согласился Хубертус, засмотревшись на магию движения тел этих животных.

И с этого момента всё пошло не так.

– Я подбит! – вдруг закричал Пуло, уводя машину резко вверх, чтобы не рухнуть на воду, – Повреждения средней тяжести!

– Прикрываю, цель вижу – спокойно сказал Дио, заметивший турель, случайно оставшуюся в неповреждённом состоянии после подавления противовоздушной обороны города. Он развернул мачете так, чтобы прикрыть машину Пуло, представляя большую угрозу для установки ПВО, открывшей по ним внезапный огонь.

– Атакуем, – сказал Хубертус, ругая себя за "осмотр достопримечательностей" и беспечность.

Он и Дио почти одновременно перевели подачу энергии силового щита на переднюю полусферу своих машин, не оставляя никакой надежды противнику. Когда черно-белые доспехи фигурок, которые вели огонь по ним, стали видны даже без визорного увеличения, оба «мачете», в свою очередь, открыли огонь из всего кинетического оружия, что было на борту. Потом, когда результат не оставлял сомнений, взмыли вверх.

– Глупая храбрость, – повторил Хубертус слова Дио. – Сто двенадцатый, ты как?

– Средние повреждения, – ответил Пуло, – На сегодня я пас. На орбиту не поднимусь.

– Уходи к «кракену», – приказал ему Хубертус. – Пусть наши «союзнички»-сапиенс хоть как -то помогут. Я сообщу на орбиту.

Обидно было вот так сразу потерять одну машину. Но ничего страшного пока не произошло. Всякое бывает.

– Принял, – сказал Пуло, меняя курс на «кракен», хорошо заметный даже отсюда, – счастливой охоты!

Штурмовые «мачете» основной группы, отбомбившись по дворцу, перестраивались, меняя конфигурацию. «Мачете»-охотники барражировали над местом боя.

Пробивая завалы, из ангаров под дворцом, начали вертикально взлетать «гепарды» сапиенс.

– Вижу маркер, – сказал Хубертус, устремляя свою машину почти вертикально вверх за маркером, – Преследую «гепард»-один, по отчётам предыдущих боёв, машина фон Касселя, следуй за мной.

– Принял, – ответил Дио, направляя своё мачете за командиром.

– Счастливой охоты, – откуда-то издали, сквозь крики воздушного боя прозвучал голос Пуло, – Захожу на посадку на ганзейской базе, посадочная площадка рядом с нашей планетарной техникой.

Фон Кассель уводил свой «гепард» всё выше и выше, не сбрасывая скорость. Хубертус и Дио следовали за ним, не открывая огня.

– Я поведу его, – обозначил Дио понятным термином своё желание поиграть в жертву, – Выведем его за поле боя, команданте.

– Будь осторожен, – сказал ему Хубертус. Ему не нравилось, как начался бой.

«Гепард» фон Касселя ожидаемо «упал» на «мачете» Дио, обстреливая его. Хубертус тоже спикировал «на шесть часов» «гепарду» и открыл огонь, три машины уходили в сторону морского побережья от дворца, где шёл жестокий воздушный бой с переменным успехом. так прошло несколько минут.

– Команданте Хубертус, – сказал Дио бодро, маневрируя под огнём «гепарда», смени меня, я выйду из-под огня, этот чёртов остзеец почти добрался до корпуса.

Дио знал, что делал. Не в первый раз брать чужих пилотов в плен. . .

– Уходи влево-вверх, – только и успел сказать Хубертус.

Дальше всё случилось почти мгновенно. Дио совершил манёвр вверх, чтобы резко выйти из-под огня, и оставить целым корпус – силового щита у него почти не осталось. Внезапно, в тот же момент, остзеец перевёл остатки энергии на переднюю полусферу и таранил «мачете» Дио, целясь в капсулу пилота. Тот даже сказать ничего не успел, превратившись вместе с машиной в облако взрыва.

Зато спасательная капсула везучего фон Касселя вылетела вверх из рыже-черного, огненного облака, и, включив ускорители, понеслась к побережью.

Спокойствие покинуло Хубертуса Кассадора. Теперь он хотел убить этого остзейца сам. Кассадор не знал ни отца, ни матери. Как и должно совершенному террису у него не было привязанностей, как он думал. Но внезапная, быстрая и нелепая смерть его друга Дио, в рыжем облаке взрыва, взорвала его самого яростью.

Упустив на какое-то мгновение траекторию полёта капсулы, Кассадор теперь догонял её, чтобы расстрелять прямо над этим красивым морем, где водятся касатки с красным плавником, поднимающимся над черной спиной. Но хитрый остзеец, желая сохранить свою жизнь повёл свою капсулу среди такого лабиринта скал, что всего пилотажного опыта Хубертуса едва хватало на то, чтобы следовать за ним, не отрываясь. Это было невероятно сложно потому, что капсула была намного меньше, а расстояния между скалами автопилот «мачете» не брал. Когда Команданте Кассадор почти догнал капсулу убежавшего от него остзейца, чтобы превратить её в пыль одним залпом, его «мачете» задело правой стороной скалу и её разорвало на части, выбрасывая вверх уже Хубертуса в спасательной капсуле.

Лишь на секунду Хубертуса окатила новая волна ярости, но потом он понял, что всё идёт именно так, как он и хотел. Теперь он возьмёт фон Касселя обязательно живым. Или полуживым. Нужно только отрезать этому сапиенс пути к отступлению. А потом – дуэль, в которой у фон Касселя, одетого в костюм пилота-сапиенс, не будет шансов.

Остзеец сажал свою капсулу на небольшой карниз скалы над морем. Кассадор «воткнул» свою капсулу в горы с противоположной стороны. Предвидя действия своего соперника, Хубертус сразу покинул капсулу, которая загорелась, обстрелянная чем-то высокотемпературным.

Стрелковое оружие он не успел забрать из капсулы. А если честно, то и не собирался. Он возьмёт этого остзейца, показав всю разницу между террисом и убогим представителем вида сапиенс. Поэтому Кассадор начал боевые метаморфозы загодя, чтобы не попасть в какую-нибудь ситуацию, похожую на ту, что случилось с доном Мариано Франциско. Он начал сблизаться, используя рельеф и крупные камни, и к тому моменту, когда он сблизился с хитрым остзейцем, он ещё не утратил облик, похожий на сапиенс, но в его распухших плечах и бедренных мышцах работало четыре дополнительных сердца, сформированных, чтобы быстро регенерировать повреждения. Остзеец несколько раз попадал в него из своего мощного кинетического оружия прицельными одиночными выстрелами. Было нестерпимо больно, но лишь на доли секунды. Несколько раз Хубертуса перевернуло ударной силой пули, но он почти не обратил на это внимания, движимый жадной мести. Убить его сейчас могло только попадание в голову – но остзеец уже растратил свой боезапас и, встав в полный рост, отбросил автоматическую винтовку и вытащил спадку.

Хубертус остановился:

– Mia pomo estas Huberto*, – сказал террис, ищущий мести, на интерлингве, улыбаясь, как будто встреча на обрыве у моря была случайной, – Hubertus Cassador. – Он прищурился, внимательно разглядывая Франца фон Касселя. – Ni havos duelon, ne timu* – он сделал жест рукой – Mi dono salvi komencon... Lasu mia nvenĝon por batalantaj amikoj esti bela... Ĉuvi havas glavon?*

_*Террасаконтера

Самая крупная разновидность кораблей ударного флота Альянса Свободных Миров. Соответствует «Ударному кораблю» Империи, «кракену» Ганзейского союза, или линкору Конфедерации Русских Планетных Систем.

*** «Die Länder der Dioskuren»**

«Земли Диоскуров» (нем.) (Диоскуры. Кастор и Поллукс, близнецы, дети Леды. *Участники похода аргонавтов.*)

***Остзее**

«Восточное море», (нем. die Ostsee) – древненемецкое название Балтики.

*** «La planedo de la fratoj»**

«Планета братьев» – вероятно, намёк представителей вида homo praeteris на совладение Империей Вильгельмом фон Цоллерном и его братом Фридрихом.

***Серапеец**

Верховный Совет трёх каст, на которые разделено общество «хомо претерис»

***«...техники проверяли готовность «мачете» к вылету...»**

"Мачете" (СВМ 5 AS "Maĉeto" (ĉefa batalo maŝino de la alianco): Основная боевая машина Альянса класса "AS" (atmosfera kaj spaco, атмосфера и космос)

*** «... благодаря вмешательству истинного терриса...»**

Сокращённо от praeteris (лат.): сверх, кроме, исключая, в большей степени чем. Террисами начали называть нынешнее население Старой Земли, Венеры и Марса представители вида хомо сапиенс – эмигранты, уходившие на планеты имперского "Нового мира".

*** «Erfinder»**

«Исследователь» (нем.)

***«...Do estu!»**

Да будет так! – интерлингва.

*** Капитан-навигатор**

Ранг, позволяющий командовать террасаконтерой.

*** «...были друзьями Кассадора по фаланге.»**

Фаланга – аналог кадетского корпуса у вида сапиенс

***– «Mia amiko»**

Мой друг» – Хубертус говорит на интерлингве, языке принятом в т.н. «Поясе Златовласке» – пространстве Венера – Земля – Марс в Системе звезды Солнце, галактический рукав Ориона, галактика Млечный Путь.

*** – Estro nia,**

Наш командир (интерлингва)

*** «...истрѣпанные "гепарды" сапиенс.»**

"Гепард"-(PzKpfFz 5 (Panzerkampfflugzeug Gepard", "AuRa"– Klasse)

"Бронированная летающая машина Гепард" класса "AuPa" ("Atmosphäre und Raum", атмосфера и космос). Основная многоцелевая машина-охотник Империи Сапиенс 5 поколения.

*** «...Один из ганзейских союзных «кракенов»**

MW "Kraken" (Mehrzweckschiff des Weltraums, многоцелевой корабль дальнего космоса)
Основной корабль – символ могущества "Ганзейского Союза".

*** «...кампфгренадирскую бригаду Ганзейского Союза...»**

Kampfgrenadiere – тяжёлая пехота Империи Сапиенс и Ганзейского союза, в чью задачу входит разведка, контроль и зачистка планет.

*** «...Четвёртый адмирал Ганзы...»**

Ганзейским Союзом управляют четыре адмирала и Гросс – Адмирал. Должности выборные.

*** «... Mia nomo estas Huberto...»**

Меня зовут Хубертус.

*** «...Ni havos duelon, ne timu...»***

У нас будет дуэль, не бойся.

*** «...Mi dono salvi komencon. Lasu mia nvenĝon por batalanta jami koj esti bela. Ĉuvi havas glavon?»**

Я дам тебе фору. Пусть моя месть за боевых друзей будет честной. У тебя же есть спада?

2. Бой над Фридрихсхалле.

Лиловые птицы подсвечены отблеском красным

Такое привидится только в бессонном бреду

Когда расставания и ожиданья напрасны

Ты в них неповинен! Ты в них неповинен!

Там ждут...

Там ждут так давно эти аэродромные асы

При бомбардировке им пухом посадка дана

Они не взлетели, подсвечены отблеском красным.

Лиловые птицы. И мамина тень у окна...

Неизвестная русская поэтесса 20 в.

Сборник "Поэтические сокровища Империи Сапиенс".

Сирены выли, а пневматические лифты, несли нас в ангар, где стояли боевые машины. Форма людей, решивших сегодня умереть, была разной. В лифте, залитом лиловым светом, куда попал я, больше всего было моих ребят из эскорта герцога. Но рядом сидели люди и в форме космического десанта, и пограничного патруля... Совсем зелёные, наверное, курсанты – недалеко было их училище. Лица моих сегодняшних попутчиков были бледны и растерянны. У кого-то из них юношеский румянец от волнения заливал всё лицо, у кого-то дрожали руки – то ли от нетерпения, то ли от страха. А скорее, от того и другого. Все, перед боем, уходят в небо по-разному. Кто-то торопит себя, чтобы мучительное ожидание схватки не тянулось целую вечность. Кто-то, напротив, пытается быть неспешным, надеясь, что так он получит больше шансов выжить.

Напротив меня сидела девушка в форме канцелярии герцога. На форменной планке я прочёл имя: «Elizabeth Souget». Мне показалось, что я где-то видел её раньше. Красивая. Синие-синие, почти васильковые глаза и золотая копна волос, стянутая на затылке в тугий узел. Шлем в руках. Зачем она с нами? Я кивнул ей.

– Капитан, – услышал я по коммуникатору – я рада вас видеть...

Я даже улыбнулся. Наверное, в первый раз недели за две. Она меня рада видеть... Хоть кто-то рад видеть меня, человека шесть дней подряд ведущего своих друзей и просто тех, кто волей случая оказался рядом, на верную смерть. Теперь вот и эта красавица... Броня на ней чистая, новенькая, наверняка понимание того, что сейчас будет, самое отдалённое. Летать-то все могут. Поднять боевую машину в воздух – задача для всех посильная, а воевать?

Я кивнул ей ещё раз, прогоняя жалость. Она тоже ответила улыбкой, такой яркой, что на меня нахлынуло... Рядом со мной и напротив меня, заулыбались, хмурые прежде, лица людей, одевших на себя форму пилотов, возможно, в первый раз. Отвечать ей словами не хотелось – я не знал, что сказать в такой безнадежной ситуации. Дворец Фридрихсхалле штурмуют уже неделю. Нас всё меньше, и никто не верит в успех. Что сказать девочке-лейтенанту, уставшей от бомбёжек и постоянного страха?

Хорошо, что как раз тут лифт прибыл, двери разъехались, кресла выбросили нас, и мы побежали к «гепардам». По обычаю имперских пилотов, перед боевым вылетом, полагалось написать что-то на стене. «Гепарды», подсвечиваемые аварийным светом во мраке ангара, казались тоже лиловыми. Внутри машин – красная подсветка, которая вот-вот станет зелёной, показывая готовность систем. Я черкнул пару строк, на шершавой стене ангара – строки показались мне излишне мрачными. Ну и черт с ними. Я повернулся к своей машине. Её активация была настроена на простой пароль.

– «Folge wie ein Schatten»* – сказал я и забрался внутрь капсулы. Снял перчатки и сунул руки в приятный гель манипуляторов. Разбросал на экране тактические карты. Проверил оружейные системы. Вроде бы всё в полном порядке...

– «Гепард» один требует рапорт готовности, – сказал я.

По маске шлема побежал поток зелёных строк:

– «Гепард» два – готов,

– «Гепард» – три – готов,

– «Гепард» – четыре» – готов...

«Гепард» номер тридцать три отмечился красным. Я даже не сомневался, что увижу в красной строке имя новенькой...

После гибели, в первый день, большей части опытных пилотов, у нас каждый день маленькие трагедии. Сегодня такую трагедию, будут звать, кажется, Элизабет Сугэ. Всю неделю, пока нас штурмуют, в рапортах появляется несколько красных строк. Перед боем – о неготовности вовремя, после боя – в отчете GVK*. Я отправил ей простую инструкцию, надеясь, что она всё-таки не разберётся с управлением и останется в ангаре.

– Спасибо, капитан! – весело пропела она по голосовой связи.

– Пожалуйста – подумал я, вовсе не разделяя её веселья.

Сейчас нас будут бомбить... Силы Альянса, блокирующие дворец, могут позволить себе действовать по одной и той же простой схеме. Пробомбят, потом попробуют «забрать» воздух своими «мачете». До третьего этапа – зачистки штурмовыми группами у них пока руки не доходят. Но вряд ли потому, что наши «гепарды» помощнее, а наша пехота оснащена лучше. Нас просто медленно выбивают, машина за машиной. Мы неплохо дерёмся, за нами слава лучших пилотов обитаемого мира. Да ещё к тому, в герцогстве Остзее, несмотря на его малые размеры, новые образцы техники появлялись раньше, чем даже Имперский Флот мог похвастаться аналоговыми образцами. Так было всегда, я никогда не задумывался, о причинах. А теперь, судя по развитию событий, не успею.

Во дворце Фридрихсхалле блокирован сам герцог Фридрих и остатки его гвардии. Блокирован эскорт, которым командовал я, и много мальчишек из военных училищ. Большинство оказалось здесь случайно, кое-кто из идеализма, кто-то ещё чёрт знает из-за чего, но все толком не понимают, что происходит. Сейчас в ангаре осталось всего 34 машины, а противник каждый день обновляет паритет в небе ровно до того количества, чтобы иметь кратное превосходство, но, чтобы атакующие не мешали друг другу.

Мы же держимся уже неделю, вопреки собственным ожиданиям.

Ганзейский «кракен» сел на посадочной площади космопорта Кёнигсберга – столицы нашего небольшого герцогства. Сел он конечно, после того, как с орбиты полностью подавили наше ПВО. Целая десантная бригада Ганзейского Союза, пришедшая на планету на одном из ганзейских «кракенов», вообще не участвует в штурме, соблюдая непонятный мне нейтралитет. Но это только затягивает нашу агонию потому, что если бы ганзейцы не высадились, нас бы просто стёрли орбитальной бомбардировкой. Вместе с нашими прекрасными боевыми качествами.

Террасаконтера Альянса «Дева Марина» висит на орбите, оттуда же приходят десантные модули террисов с планетарной техникой. Террисам нужны наши головы. Наш герцог и все, кто с ним, нужны желательно живыми. Альянсу просто необходимо предъявить виновников всего, что сам спровоцировал и натворил. «Ограниченная операция по спасению человечества», как говорят их медиа. Так что, пока нас штурмуют славные представители военной касты homo praeteris*. Это – то ли военные, то ли полиция, то ли два в одном – у террисов* всё запутанно. Ганза и Альянс – странный союз у наших противников – но от этого не легче не становится.

Ну вот, началось... я почувствовал, как всё вокруг вибрирует. Где-то наверху рвутся тактические бомбы. Совсем скоро оставшиеся «гепарды» уйдут в небо, чтобы попробовать перехватить хотя бы часть штурмовых машин противника. Уже почти неделю все мы превращаем один из самых красивых дворцов на планетах Империи в груды развалин. Наше сопротивление – действие довольно бессмысленное, как показали результаты нескольких дней боёв. Но альтернатива – это сдача в плен без условий, а против капитуляции были почти все оставшиеся защитники. Дерёмся мы хорошо – спортивный счёт был бы в нашу пользу. Реальная же картина нашего героизма больше похожа на медленное самоубийство.

Бомбы наверху всё еще падают, падают, снова и снова, падают – а мы всё ждём момента для перехвата. Это отвратительное ожидание продолжается невыносимо долго – может минуту может две, может больше. Знать не хочется, сколько проходит времени. Всё кажется, что одна из бомб всё-таки пройдёт толстый щит там, наверху, и ни я, ни мои ребята уже никогда не взлетят. Проходит целая вечность. Потом всё затихает.

«Бомбардиры бомбардировали, бомбардировали да не выбомбардировали» – прожевал я русскую поговорку, отсылая команду АIG*. Взлетая, я видел, что «гепард» тридцать три был всё ещё «красным». Похоже, у нас минус одна машина, ещё до того, как начался бой.

До войны, если эту неделю можно назвать войной, я уделял много внимания языку наших вероятных союзников. Искренне сожалел, что мы ими не успели стать. Наше будущее там – в просторах русского космоса. Разделяли ли мою точку зрения Кайзер Вильгельм и его брат, наш герцог Фридрих? Наверное да, но всё время шли на уступки, стараясь избежать войны между Альянсом Претерис и Империей Сапиенс. Альянс и Ганзейский Союз душили русских санкциями. Империя, чтобы избежать или хотя бы отсрочить войну подключалась к ним, хоть и формально, продолжая торговать и передавать русским технологии.

Ганзейский Союз тоже саботировал санкции и поддерживал нас и Конфедерацию Русских Планетных Систем – но результаты поддержки не были видны простому солдату.

Русский президент Андреев был популярен даже у своих врагов. Послав к черту этикет и прочую дипломатическую ерунду, он носился между Кайзером, герцогом, Ганзой, вел переговоры с Серапеоном Альянса*, пытаясь доказать, что война не нужна, а революции и хаос после них приведут к войне ещё худшей – без правил и переговоров до последнего человека. Даже своих вероятных тогда противников он упорно продолжал называть «наши партнёры». Но время слов прошло. Мир был невыгоден Альянсу. Слишком многое сложилось в жизни на его пространствах так, что привело к видимому техническому отставанию и от Империи с герцогством Остзее, и от Конфедерации Русских Планетных Систем. Остановить отставание террисов, населяющих «Пояс Златовласки», от сапиенс можно было только войной.

Малейший признак на остановку скатывания к войне Альянс тут же разрушал своим давлением. Мы обещали русским, и снова и снова нарушали свои обещания. Я несколько раз, в знак протеста, подавал в отставку, но герцог не давал мне отставки.

– Франц, – сказал мне тогда герцог, – позволь не объяснять тебе причины, по которым я принимаю то или иное решение.

Сказано было жестко, и моя дружба с герцогом дала тогда, вроде как трещину.

Впрочем, было уже не до того. Вскоре неожиданно отрёкся наш кайзер, и без единого выстрела капитулировал Империиум Сапиенс. Русское Пространство разорвала на части революция между Центром, Окраиной, и прочими, более мелкими осколками этих самых пространств, к которым примыкали пиратские «серые» зоны. Но русские решили драться и дрались как с Альянсом, так и со своими революционерами, в требованиях которых явно прослеживалось умелое участие дипломатов Альянса. Русские смогли себе позволить, исходя из космографии точек перехода к своим системам войну на два фронта. Роскошь.

Кто знает, если бы не капитуляция нашего кайзера, может быть объединённые флоты Империи и КРПС* вполне могли бы противостоять террасаконтерам Альянса.

Проблема нашего маленького Остзее заключалась в том, что по большому счёту, у нас и флота-то не было. Корабли не больше рейдера. Герцог Фридрих фон Цоллерн был братом Кайзера. Наше герцогство было, по сути, частью Империи Сапиенс. Мы играли роль кадрового резерва для флота и были экспериментальной военной базой. Никому и в голову не могло прийти, что второй по мощи флот во Млечном Пути сдадут без боя. Небольшие рейдеры Остзее являлись частью Имперского флота. Наши медиа так и говорили о нем: «наш флот». Когда «наш флот» исчез из реальности и был уведён ганзейцами в неизвестном направлении, Герцог Фридрих пытался отсрочить наше падение. Но без Имперских Ударных Кораблей Открытых Пространств он был, как говорил когда-то наш древний философ Андерсен, «голый король», или «голый герцог». Именно так и стали его называть многие недовольные острословы.

И конечно, нам пришлось, шаг за шагом, сдавать свои базы, отказываться от владений и спешно продавать или даже передавать их даром Ганзейскому Союзу.

– Всё лучше, чем Альянсу Претерис – говорил Фридрих.

Ганзейский Союз, объединение, внезапно возникшее из кораблестроительной компании «Ганза», рос, как в сказке, поглощая имперские планетные системы. А неделю назад случилось то, что вполне соответствовало моим ожиданиям: флот Альянса при поддержке Ганзейского

союза, блокировал Кёнигсберг. Серапеон – высший совет Альянса – потребовал выдачи герцога Фридриха как военного преступника, стоявшего, как было сказано в ультиматуме, «на пути прогресса человечества».

Верность – не самое плохое качество вида сапиенс. Но совсем немногие решили остаться с герцогом до конца. Возможно, кто-то потом назовёт это глупым фанатизмом. Но мы дерёмся. Сейчас уже, наверное, просто за ещё один день того мира, в котором мы жили раньше. Так что всё логично.

Русские, по слухам, несмотря на революцию и оккупацию всё ещё оказывают полноценное сопротивление в больших секторах того, что называется у них ужасной аббревиатурой КРПС*. Мне больше нравилось их выражение «Русское пространство», которое я слышал от их президента Андреева, прекрасно говорившего по-имперски.

Мой «Гепард» уходил в небо, легко пробив тонны обломков разрушенных строений над ангаром. Сразу пропала навигация, и появились помехи на тактических картах. Но – как говорят имперцы: «*Lerne leiden ohne zu klagen*»*. Это сильно мешало в первый день, тогда из-за этого была потеряна сразу половина парка универсальных боевых машин. Тогда погибли почти все «тени» – так назывался эскорт герцога. Почти все мои ребята ушли в небо пилотами и остались там.

На второй день мы взлетали, заранее настраивая радиус автопилота на координаты дворца и дрались почти вслепую. Что ж, посмотрим, как сегодня...

Я ускорился, как следует, до самых пределов красных линий гравикомпенсаторов – меня вынесло километров на 20. Даже показалось на миг, что я вижу террасаконтеру Альянса на орбите планеты. «Гепард» номер тридцать четыре», оказался тоже подсвечен красным. Так что у нас даже минус две машины до начала боя. Если это мой друг ван Фростен, то совсем плохо. Один из немногих опытных офицеров, оставшийся от моего эскорта. Оставайся живым, Адольф... – пожелал я ему.

Как только заработали атмосферные двигатели, я трансформировал «гепард» в штурмовую версию, и упал, на ближайший замеченный, «мачете» Альянса. Он умело маневрировал, резко уходя вверх-вниз, влево-вправо, пытаясь резко сбрасывать скорость, чтобы я проскочил вперёд. Я обстреливал его плазмой и кинетикой, потом дал залп штурмовыми ракетами. Его активный щит был почти такой же мощности как у меня, он хорошо держал урон и конечно, почти мгновенно, у меня «на шести»* появился его коллега. Второе «мачете» принялось обрабатывать всем, чем можно мои щиты с истощёнными уже запасами энергии. Его пилот бил меня так же упорно, как я проделывал это с его товарищем. Наносимый урон быстро съедал щит, добираясь до уязвимого корпуса моего «гепарда».

– Ну вот и прекрасный повод наконец-то расстаться со своими страхами и усталостью навсегда, – сказал я себе, наблюдая, как тают запасы энергии.

Всё потому, что противник «на шести» в таких раскладах как сейчас – это малые шансы выжить. А точнее, никаких шансов вообще. Упал ли он мне на хвост с орбиты, или поднялся вверх после штурмовки дворца Фридрихсхалле, всё это было уже для меня неважно.

Сдача в плен для меня вещь невозможная. Я не могу представить себя, до крайней степени модифицированного, где-то в пространствах Альянса Претерис, в касте Исиды или Диониса, в вечном наркотическом или сексуальном трипе. Человек для меня кончался там, где сапиенс превращался во что-то другое, виртуально-медитативное. Или извращённое до агрессивной боли, приносящей кайф, как это принято у касты Серапеуса.

– Ну не твоё это, Франц – сказал я себе и расхохотался...

...*Wann ich als Kind war, meine Mutti gesagt hat, sei mutiger Junge, sei braver Soldat...** – прозвучала в голове кричалка, которую я придумал когда-то, ещё в летном училище в Марселе. Хорошо было. Раннее утро, и пробежать тебе 10 километров – как песню спеть. Странно, но,

несмотря на безнадёжность ситуации, настроение моё было на подъёме, как когда-то, когда я был совсем зелёным курсантом.

– Будь честен, Франц, – сказал я себе, – Ты устал от борьбы, и отсутствия логики, хоть и не говорил никому об этом. Все шесть дней ты думал о том, как умереть быстро и красиво. Но главное быстро. Ты же давно к этому готов... Давай, давай!!!

И, пока в голову не стали приходиться дурные мысли о том, как хочется жить, я переключил накопители энергии на скорость и щит и врезался в преследуемое «мачете».

Мне не повезло. Точнее повезло частично. Вражеская машина, которую я таранил, разлетелась в клочья, моя тоже. Пилот атакованной машины, конечно, погиб во время столкновения. Только я наблюдал это все уже со стороны, высоко взлетев в спасательной капсуле над оранжево – чёрным облаком взрыва. Сначала мне показалось, что я мёртв и наблюдаю всё это из другого измерения.

Потом до меня дошло, что я не отключил спасательный модуль «гепарда», взлетая из ангара во Фридрихсхалле... Спасательную капсулу отстрелило. И в этот момент, вдруг внезапное желание жить вернулось ко мне. Я включил ускорители, рассчитывая внезапным рывком оторваться от второго «мачете», всё ещё висевшего у меня «на шести часах». Однако, мой враг решил меня добить. Теперь, его машина резко сокращала дистанцию, а я уходил к земле от моря, над которым шёл бой.

Я бежал, как выдра бежит от остзейской касатки, когда она гонит её под свою стаю. Я хотел, чтобы скалистые берега моря, с их сложным рельефом, уходившие к югу от города, прикрыли меня. Конечно, был риск разбиться о скалы, но я надеялся, как говаривал мой друг ван Фростен, на свои «превосходные боевые качества». Противник почти догнал меня, чтобы одним залпом превратить в тень, и тут ко мне пришло решение, резко посадить капсулу, чтобы выиграть хотя бы несколько минут для того, чтобы попытаться скрыться где-то среди скал. Я петлял в каменных лабиринтах, выбирая место для посадки, и чудом был ещё жив.

Наши машины шли над самой землёй, когда мой преследователь вдруг случайно задел правым оружейным трансформером, за что, я не понял. Рухнула целая небольшая скала. Половину его машины внезапно вырвало, а остаток, взрываясь, расцвёл рыжим цветком. Я увидел, как теперь уже его спасательная капсула свечой полетела вверх. Передо мной завис и отстал, падая, фрагмент обшивки «мачете» с номером «сто одиннадцать».

Я резко затормозил, перекачивая всё, что можно, из хилого накопителя щита капсулы на подушку посадки, но её не хватило надолго. Было слышно, как я торможу о поверхность. Торможу всем корпусом, тонким корпусом спасательной капсулы. Стало невыносимо жарко от разогрева, появился едва уловимый запах термопластика. Чтобы не задохнуться, не дожидаясь остановки, я отстрелил верхнюю панель и проехал остаток тормозного пути, как заправский гонщик на болидах. Наконец я остановился...

Ветер... Запах моря, каменной пыли и сосен – этот коктейль чуть не порвал меня на части. От ощущения и счастья, что я всё-таки жив, на мгновение захотелось лечь и уснуть.

Осмотрелся. Место посадки оказалось не слишком удачным. Моя капсула приземлилась на каменный балкон скалы над морем. Вверх вел только один проход и туда, на моих глазах, метрах в 300 от меня, «воткнул» свою спасательную капсулу мой преследователь. Я дернул с оружейной панели стандартный «НК Gewehr 400» и залёг, оставив обрыв позади и прячась за капсулу. Понятно, что мой враг вряд ли свернёт себе шею от перегрузок. Он и посадку свою сделал жесткой намеренно, чтоб не потерять время и не упустить меня. Сейчас он охотник, а я всего лишь дичь, особенно, если дело дойдёт до стадии боя лицом к лицу.

Homo praeteris потому и называли себя «бескрайними», что эта ветвь развития человека, давала, по сравнению с *sapiens*, бескрайние возможности. Изменённый метаболизм, высокий процент неорганических соединений, возможности почти мгновенной метаморфозы и регене-

рации, предельно низкий болевой порог – все это сводило мои шансы в столкновении лицом к лицу просто к нулю.

Я дал длинную очередь плазмой – на весь комплект – когда он сбрасывал входную панель, в расчёте застать его врасплох, сжечь его в капсуле, и закончить бой сразу. Но расстояние было приличным – он успел выпрыгнуть и тоже спрятаться за капсулой. В плюс мне, что мой враг не успел взять стрелковое оружие – я всё-таки попал в его капсулу, и она теперь горела. Террис начал сближаться, используя, как прикрытие, крупные камни и рельеф. Я попадал в него кинетикой несколько раз, его отбрасывало и переворачивало, но он упорно продолжал сближение, на ходу регенерируя повреждения.

Кинетический боезапас закончился, я отбросил бесполезный теперь ствол, и встал в полный рост.

Всю жизнь мне фантастически везло. Потому, что родился в семье военных исследователей. Потому, что сразу из училища в Марселе меня перевели в Кёнигсберг, и я сразу попал в группу «Тень» -так назывался эскорт герцога. Потому, что в каждой темной истории, о которой не сообщали медиа, я оставался живым, продвигаясь сквозь тени погибших друзей, от простого солдата до капитана эскорта. Повезло, что стал не только командиром, но и другом герцога Фридриха, спасая его жизнь и охраняя его тайны. Кажется, теперь везение кончилось. Мой враг тоже встал из-за камня, снял и отбросил шлем. Я увидел красивое лицо, слегка смуглое, он словно бы сошёл со старинных картин древней Италии.

– Меня зовут Хубертус, – сказал он на интерлингве, улыбаясь, как будто наша встреча на обрыве у моря была приятной случайностью. – Хубертус Кассадор. Он прищурился, внимательно разглядывая меня. – Пусть у нас будет дуэль, не бойся, – он сделал жест рукой, – Я дам тебе фору. Пусть моя месть за боевых друзей будет честной. У тебя же есть спада?

Что ж, похоже, меня хотят взять в плен. Я отвёл руку за спину и ударил по сенсорам активации щита костюма пилота. Энергии не хватит надолго – но хоть что-то. Был бы на мне доспех кампфгруппы... * Эта пародия на древнюю Италию не представляет, сколько таких как он я видел мертвыми – в кусках и кислотной слюне. Вытащил, переводя в боевой режим спада, – она вспыхнула красным светом.

Хорошо, пусть будет дуэль.

– Моё имя Франц фон Кассель – сказал я. – Откуда ты родом, Хубертус?

– Из Картахены, что на Венере. Я знаю, кто ты, капитан фон Кассель – сказал он, подтверждая мои догадки о том, что он и его убитый мной товарищ, охотились именно на меня. Потом его лицо стало меняться. Оно стало менять цвет, череп стал обрастать толстыми пористыми пластинами, похожими на чешую, руки удлинялись, становясь похожими на плети. Кисти рук превращались в лапы с длинными когтями, похожими на жвалы огромного насекомого.

– Тобой бы планеты зачищать, – подумал я, глядя как пенится кожа и застывает пластинами на его теле.

На крупный валун, стоявший неподалёку, сел альбатрос. Сильный ветер с моря чуть не сносил его с камня, а он разглядывал нас глупыми глазами, совершенно игнорируя опасность. Сначала меня. Потом его заинтересовали изменения, происходившие с Хубертусом.

Мы кружили друг против друга. Я – направляя «лезвие» спады ему в лицо, он – заканчивая боевые метаморфозы. Хубертус Кассадор, бескрайний из касты Серапеуса, касты солдат и правителей, хочет взять меня в плен. Что же тебе нужно, Кассадор, слава дуэлянта? Ты действительно охотник?

– Смотри, – сказал я бескрайнему, указывая спадой на птицу. – Ты сейчас так похож на рыбу, что он хочет тебя съесть.

Кассадор хотел ответить что-то, но не смог. То, во что он превратил себя, едва смогло кивнуть головой и прыгнуло на меня. Я успел услышать, как альбатрос обиженно крикнул и улетел.

Я отступал, пытаюсь отсечь ему хотя бы часть опорной конечности. Было бы хорошо хоть на миг вывести его из равновесия, чтобы сократить дистанцию. Тогда бы я смог добраться спадой до его головы. Но мой враг вёл бой умело, пропуская мои выпады, быстро расходуя запас моего силового поля и энергию компенсаторов равновесия. Я всё-таки несколько раз задел его по касательной – похоже, он даже не заметил. В тот момент, когда спасительное свечение моего доспеха исчезло – он оказался совсем близко и я отсёк ему руку – плеть по плечу. Он даже не прекратил движения, начиная на ходу регенерировать новую, и попал мне по предплечью. Спада улетела из моей, почти надвое сломанной руки, метров на двадцать в сторону-вверх, и в этот момент я пропустил обратный удар. Грудная клетка хрустнула, мой рот наполнился кровью, от болевого спазма мир вокруг меня исчез на мгновение. Он отбросил меня и снова прыгнул ко мне, превращая свои зубы в несколько рядов длинных, рыбоподобных челюстей. И в этот момент его голова почему-то вдруг лопнула, тело рухнуло на меня, обливая кислотной кровью. Мир вокруг меня исчез снова.

* **«Folge wie ein Schatten»**

Следуй, как тень. (нем.)

* **GVK (gefallen im Verlauf der Kampf)**

«Убит в бою.»

* **«...славные представители военной касты homo praeteris»**

Каста Сераписа, слой военных и управленцев Альянса Свободных Миров.

* **AIG (alle ins Gefecht)**

Все в бой.

* **«...что называется у них ужасной аббревиатурой КРПС»**

Конфедерация Русских Планетных Систем.

* **«Lerne leiden, ohne zu klagen»**

"Учись страдать не жалуясь."

* **«...мгновенно у меня "на шести" появился его коллега»**

зашёл сзади.

* **«...Wann ich als Kind war, meine Mutti gesagt hat,**

Sei mutiger Junge, sei braver Soldat...»

– Когда я был мал, мать успела мне сказать,
будь храбрым, мальчик, будь храбр, как солдат.
(стихи Ф. фон Касселя)

3. Как исполнилось желание оберлейтенанта Адольфа ван Фростена.

**Я так устал от этих страшных затей
Нижние палубы, бунт – и выносят людей
Вдруг за спиною услышал: Ты что?
Это я.
Пойду за тобою на всё,
Как волк, как змея...**

Франц фон Кассель, стихотворение "Дельфины", поэтический сборник "Тоска по Родине".

Адольф ван Фростен, оберлейтенант личного эскорта его светлости герцога Остзее, Фридриха фон Цоллерн, сидел на бетонном полу дворцового стартового ангара боевых машин класса AuRa*. Сегодня всё пошло не так. И он, потеряв себя, не знал, как быть дальше. Так, хорошая боевая машина, получив сбой в команде, становится бесполезной. Сегодня Адольфу надоело быть боевой машиной.

Кабина его «гепарда» тридцать четыре была открыта, и он слышал всё, что проходило в эфир. Но он слушал, и не слушал, не различая слов, находясь в странном состоянии оцепенения. Что-то надорвалось в нём ещё в тот момент, когда тактические бомбы Альянса рвались где-то далеко вверху, сносили остатки дворца, стремясь проникнуть туда, где находился ван Фростен. Адольфу казалось, что он превратился в маленькую точку, в которую нацелено всё смертоносное, летящее из верхней полусферы боя над дворцом.

Когда шлюзы открылись и лиловые, в свете аварийного освещения, «гепарды», заблестели серебром, взлетая, разрывая барабанные перепонки характерным надсадным звуком, закачивая в ангар бетонную пыль из развалин – он открыл кабину и, как больной, сполз вниз. Пилот, один из лучших пилотов Остзее, чьё имя постоянно звучало рядом с именем его командира, капитана фон Касселя, сейчас просто сидел на бетонном полу, положив руки на колени, уткнувшись в рукав лицом. Хотелось исчезнуть волшебным образом из этой реальности, отмотать время на месяц, год, два года назад. Ему хотелось оказаться там, где хорошо, тихо и спокойно. Противная трусливая дрожь лихорадила его, он пропитался белой пылью и стал похож на одну из тех скульптур, что раньше украшали наземную часть дворца.

Пять дней назад, увидев в небе сотни боевых машин десанта Альянса, он записал в своём дневнике: «Я скоро умру».

Он был в том первом бою над Кёнигсбергом, где погиб почти весь эскорт из-за неожиданной потери связи. Связь и управление боем пропали после того, как с орбиты подавили планетарное ПВО. Но он выжил в этом бою, посадив свою разбитую машину прямо у посадочных шлюзов. Адольф хорошо помнил, как выпал из кабины на руки старине фон Касселю, ведомым которого он был, и Патрику Гордону, тоже живому и севшему парой минут ранее.

«Я скоро умру» – написал ван Фростен в своём дневнике, вернувшись в свою тихую офицерскую комнату в казармах Фридрихсхалле. Его не радовал счёт сбитых им вражеских машин. Его не трогала похвала фон Касселя и обещания наград от герцога. Всё его безразличие, к которому терпким ощущением примешался растущий с каждым днём страх, уже были выражены в трёх словах:

«Я скоро умру.»

С тех пор каждый день эти слова росли в нём, заполняя каждую клетку его тела. С этими словами он просыпался, с ними же он засыпал тяжёлым сном, в котором снова дрался в синем небе над Кёнигсбергом, уходил от погони, прижимался к земле, просил поддержки, сам приходил кому-то на помощь, пролетая сквозь рыжие облака взрывов чужих боевых машин и их обломки, разлетающиеся веером. Врагов не становилось меньше и на следующий день всё повторялось снова, превращаясь в нелепое дежа-вю, в страшный квест, который завершался у того же шлюза, в том же ангаре, со стенами исписанными последними перед вылетом словами его друзей и соотечественников, уходивших в небо над дворцом, чтобы на следующий день всё повторилось снова. Противник каждый день выставлял паритетное количество машин, приходящих с орбиты, глушил сигналы навигации, защитники дворца дрались почти вслепую. Ходили слухи, что часть Имперского флота, интернированного Ганзой, прорвалась с боем и идёт на помощь, нужен ещё один, может два дня, чтобы шлахтшиффы пришли и свели счёты

и с кораблями Альянса и с их союзниками. Однако, в это мог поверить кто-то другой, но не ван Фростен. Каждый день, перед тем как сделать себе инъекцию снотворного и заснуть, он думал о том, как найти выход из тупика, в котором оказался он и его друзья по несчастью. Каждый день это заканчивалось ничем, и он снова проваливался в мутный сон. Утром Адольф долго и тяжело просыпался и ждал, когда снова прозвучит сигнал тревоги. Он сходил с ума от того, что того пути, которым их всегда вёл старина фон Кассель – ударить первым, прорваться, победить – не было теперь.

«Солдат должен выжить, если это не несёт урон его чести». Этими словами начинался «Codex militaris», главный свод военных правил Империи и её союзников. Первая часть максимы: «Солдат должен выжить...» тоже постепенно росла в его голове, становилась больше второй, она казалась намного важнее, превращаясь в навязчивую идею. Выживший может бороться дальше.

– Что толку в бесполезной смерти? – спрашивал он себя, одновременно понимая, что просто сломался. Ван Фростен был противен сам себе, презирая раньше таких людей, каким стал сейчас.

«Дружеский подзатыльник от нашего капитана всегда стоит доброго слова» – в шутку любил повторять весельчак Адам Вайде. И Адольф ван Фростен вчера честно обратился к своему другу и командиру, Францу фон Касселю в надежде, что тот скажет что-то такое, отчего всё вернётся на свои места. Страх исчезнет. И тогда он, оберлейтенант особой штурмовой группы герцогства Остзее «Тени», оберлейтенант ван Фростен, уйдёт в небо и честно погибнет в бою в небе над Кёнигсбергом, без страха и сожаления. Так, как это сделали его друзья.

– Я хочу уйти, Франц, – сказал он, глядя куда-то в сторону. – Уйти, куда угодно, – сказал он, думая о том, что как же здорово, что его никто, кроме фон Касселя, не слышит. – Со мной что-то происходит... Мне кажется, я не смогу больше подняться в небо...

– Посмотри на меня, Адольф, – ответил командир и положил руку ему на плечо. – Когда-нибудь, мы все умрём. Раньше или позже. Весь вопрос в том, как нас будут помнить, понимаешь?

– Нас не будут помнить, Франц, – сказал ван Фростен. – Проигравших предают забвению.

– Ну, – улыбнулся фон Кассель, – иногда бывает ещё хуже – из проигравших делают во всём виноватых уродов, только это ненадолго.

– Лет на сто? – попытался пошутить ван Фростен.

– Может и на сто, – ответил ему Франц, – А потом, всё возвращается на круги своя и предатель остается предателем на века, а человек, честно исполнивший свой долг живёт вечно.

– Вечно? – переспросил ван Фростен.

– Настолько вечно, насколько жив, даже после поражения, его мир. – сказал капитан. Иногда ведь, в мире людей, временно проигрывают и более жизнеспособные. По причине неравенства сил, например, понимаешь?

Капитан фон Кассель выглядел, как всегда, был бодр и подтянут, даже улыбался ровно настолько, насколько это было уместно в их безнадежной ситуации, но на этот раз, ван Фростен заметил во взгляде своего друга что-то такое, чего раньше не было заметно.

Разговор случился после сеанса связи с представителями Ганзы, предлагавшим посредничество между Альянсом Претерис и той горсткой людей, которая всё ещё защищала дворец. Ганзейцев было шестеро. Черно-белая имперская форма без знаков различий выглядела на них так, будто была с чужого плеча. Переговоры с их стороны вёл офицер с русской фамилией, которую ван Фростен не запомнил.

– Посредники, – сказал он тогда сам себе, – Это их назначил Альянс разбирать все, что осталось от Империи.

Невероятно, но ганзейцы, чистокровные сапиенс, служили Альянсу. Теперь им достанется то, что строил их герцог Фридрих и его брат, кайзер Вильгельм фон Цоллерн. То, что создавали все сапиенс, навсегда уходя с когда-то общих с террисами планет. Проект кайзера Вильгельма назывался «Новый мир» в пику «Новому порядку» модифицированного человечества. Освоение планет. Много места для всех. Мир инженеров и навигаторов, архитекторов и медиков. Экзотическая фауна на планетах, пригодных для жизни и создание новой на тех, что подвергались ускоренному терраформингу.

Как понял Адольф, ганзейцев интересовала больше всего личность герцога Фридриха. Судя по растущему количеству истерических заявлений Альянса в их медиа, именно герцог должен был стать главным военным преступником, оказавшим сопротивление. Ощущение безгливости чернильной волной смешалось со всем, что испытывал Ван Фростен.

– Один день, – сказал тогда командир, – Дай мне ещё один день, Адольф, и наши проблемы решатся.

Ван Фростен так и не понял тогда, как решатся эти проблемы, но кивнул головой, доверяя своему капитану.

Чуда, которого так ждал Адольф, не произошло. Трусость, как болезнь ван Фростена, не оставила его, продолжая расти где-то внутри, быстро и незаметно для всех, кроме него самого.

Вчерашний день отличился высокой облачностью, сменившимся почти черными грозовыми тучами и штормом с грозой, разразившимся над осаждённым дворцом Фридрихсхалле. Перед боем ганзейская пехота отвела оставшихся гражданских из кварталов, прилегающих к дворцовому комплексу. Потоки людей под потоками ливня потянулись к окраинам в поисках укрытия и приюта.

Это означало только одно – последний штурм и конец.

Где-то высоко над дворцом висели «мулы»* Альянса, не давая наводиться на цель, они глушили любые сигналы, маркеры целей то появлялись, то исчезали. На боевых экранах видно было то чёрное, рассекаемое молниями небо, то море и неясные очертания города где-то далеко внизу, то, внезапно, хищные силуэты чужих машин.

Это был второй раз, когда «гепарды» защитников начали бить прямо на взлёте, но остзейские машины всё-таки взлетели и снова дрались, отчаянно пытаясь продать свои жизни подороже. Ван Фростену вспомнилось, как он, с друзьями бегал в детстве на запрещённые состязания штральзундских боевых псов, дерущихся в яме, откуда нет выхода, пока у одного из бойцов не откажет сердце, или пока на его горле не сомкнутся челюсти противника. Вчерашняя посадка сопровождалась первой попыткой штурма самого дворца легионерами, тяжёлой пехотой Альянса, поддержанной шагающими боевыми машинами управления боем типа «торо»* и «ягуарами» – боевыми машинами десанта.

Атаку отбили, террисы отошли, понеся минимальные, совсем незначительные потери в несколько единиц техники. Становилось понятно, что времени до логического конца их сопротивления осталось совсем мало.

Где-то вверху сейчас шёл бой, а оберлейтенант ван Фростен просто сидел на бетонном полу, обняв руками колени, уткнувшись в рукав лицом. Всё его безразличие, к которому терпким ощущением примешался растущий с каждым днём страх, были уже давно выражены в трёх словах: «Я скоро умру». Хотелось исчезнуть волшебным образом из этой реальности, отмотать время на месяц, год, два года назад. Ему хотелось оказаться там, где хорошо, тихо и спокойно. Противная трусливая дрожь лихорадила его, он пропитался белой пылью и стал похож на одну из тех скульптур, что раньше украшали наземную часть дворца. Сегодня он не прикрывал своего командира. Он смог объяснить себе: последние дни показали, что всякое сопротивление бесполезно. Связь хорошо глушили, и остзейские пилоты дрались в одиночку.

Я хочу уйти, Франц, – повторял себе ван Фростен фразу, сказанную вчера капитану фон Касселю, – Я же говорил тебе, что хочу уйти. Со мной что-то происходит... Я не хочу в небо. Там так темно. Мы же оба знаем, как там темно, Франц...

Всё ещё находясь в каком-то неприятном полусне, Адольф услышал сквозь своё отвратительное оцепенение характерные металлические звуки, как будто кто-то открыл кабину боевой машины. Этот «кто-то» выбрался из стоящего рядом «гепарда», спрыгнул вниз, после чего очень тщательно отряхнул себя, приводя в полный порядок. Ван Фростен услышал шаги: чьи-то гравитотинки легко и уверенно шлёпали по рифлёному полу ангара. Он медленно поднял голову. Девушка в костюме пилота присела рядом, протерла рукой в перчатке пластину с его именем на груди и прочитав, теперь внимательно смотрела на него. Её голубые глаза жёстко кололи взглядом, наверное, оценивая состояние Адольфа. Золотые волосы стянуты в тугий узел на затылке. Было похоже, что костюм пилота она натянула в спешке, прямо на повседневную офицерскую форму.

– Дезертир? – спросила она с насмешкой, издевательски прищуривая глаза, и утирая высокий лоб.

– Вы тоже не в самой схватке – безразлично ответил ван Фростен, разглядывая, как помигивает красным индикатор сетевого подключения к боевым системам «гепарда» на рукаве её доспеха пилота.

– Нас уже двое, да? – спросила она, – Приятно, что не ты один предал, правда?

– Всё равно, – ответил Адольф и начал было снова опускать голову в исходное положение.

И как раз в этот момент ему прилетела звонкая, но неожиданно тяжелая пощёчина. Настолько приличная, что ван Фростен ударился виском о стену, почувствовал, как по виску побежал горячий ручеек. Совсем тонкий, горячий ручеек пробежал далеко вниз, до самого подбородка, и застыл внезапно, где-то под нижней губой. Противная дрожь в ожидании боя, бившая его с самого утра внезапно прошла. Сознание понемногу прояснялось.

Оберлейтенант снова поднял голову и посмотрел сначала в её странные, слишком большие и слишком синие глаза, потом прочел имя на форме «Elisabeth Suget, Leutenant, Himmelskanzlei»*.

«Небесная канцелярия» – так у герцога Фридриха назывался отдел статистики и планирования. Много красивых девушек в форме, им принадлежало целое крыло дворца, вход туда был только его светлость. Рассказывали, что название подразделения было его шуткой. Название канцелярии звучало всегда забавно, провоцируя упражнения в остроумии по этому поводу. А сейчас, «девушка из небесной канцелярии», появившаяся перед Адольфом выглядела сюрреалистично. Как будто уже всему конец и это валькирия пришла за последним отчётом. Он так и спросил:

– Не можешь сама написать рапорт о потерях? Так и не научилась?

Сказано было обидно. С намёком. Ван Фростену почему-то казалось, что если сказать ей что-то обидное, то она исчезнет, как привидение. Но он ошибся.

В ответ прилетела ещё пощёчина. Не такая, как первая, но тоже весьма приличная. Девушка-лейтенант, которую звали Элизабет Сугэ, взяла его холодной рукой за подбородок, и, растирая пальцем в перчатке кровь на его лице, глядя ван Фростену в глаза, медленно, четко произнося каждое своё слово, сказала:

– Я не смогла поднять атмосферник. Мой тридцать третий «гепард» сильно повреждён. А маркер «гепарда» один только что исчез на боевом экране моей машины. Твой командир, капитан Франц фон Кассель сбит. Разве ты не хочешь попробовать спасти его, если он ещё жив, или хотя бы забрать то, что от него осталось?

«Спаси или забери то, что от него осталось» – медленно прошло бегущей строкой, в сознании Адольфа ван Фростена, правило из «Codex Militaris». Речь шла о Франце. Капитан фон Кассель сбит.

– Перестань меня бить, – неожиданно грубо для себя, ответил девушке-пилоту ван Фростен, медленно поднимаясь на ноги, но всё ещё думая о своём. Теперь понятнее. Вот почему Франц просил ещё один день. Захотел красиво уйти. Думал ли он о том, что «Солдат должен выжить...»?

Элиза отступила на шаг. Оберлейтенант был выше её на голову. Шире в плечах раза в два. Ладонь в лётной перчатке, которой он вытер кровь с подбородка была тоже весьма и весьма внушительной.

– Перестаньте меня бить... – повторил ван Фростен, медленно приходя в себя и оглядывая девушку с ног до головы. – Чего Вы от меня хотите?

– Всё просто, военный, – тихо и зло сказала девушка, которую звали Элизабет Сугэ, – начинай быстро думать. Я хочу спасти твоего командира. Понимаешь? Твоего командира, – повторила она ещё раз, отступая ещё на шаг, – Ты сможешь мне?

Да, – ответил ван Фростен, в котором вдруг что-то резко «включилось», вытаскивая шлем из кабины и снова поворачиваясь к Элизе, – Да, – твёрдо сказал он, всё ещё ощущая противную дрожь в коленях.

Понемногу, он снова возвращался в реальность. Он больше не трус. Он – оберлейтенант гвардейского эскорта ван Фростен спасёт своего командира или сам превратится в тень.

Адольф сделал шаг и чуть не упал от непонятной слабости. Трусливая дрожь, бившая его несколько дней подряд, вынула из него все силы.

Элиза, быстро окинув его взглядом с ног до головы, похоже, поняла его состояние, положила его руку себе на плечо, обняла, как больного, за талию, и с неожиданной силой для красивой девушки, потащила по коридору к пневмолифтам, ускоряясь с каждым шагом.

– Слушай меня внимательно, оберлейтенант, – застучали в голове у Адольфа её слова, – сейчас я возьму у Фридриха (она так и сказала про герцога фамильярно, но Адольф понял, что это «герцог Фридрих») – сейчас я возьму у Фридриха рейдер «Серебряная Тень», – быстро говорила Элиза снимая его руку с плеча, – у тебя же есть допуск к пилотажу именно этого корабля?

– Да, – снова сказал ван Фростен, ускоряясь и удивляясь, что его ноги больше не заплетаются и прекрасно слушаются его, – У меня и...

– У тебя и у твоего друга фон Касселя, – закончила за него фразу Элиза. Теперь она уже просто толкала его в спину, и они почти бежали.

– Ты возьмёшь с собой несколько человек из гвардейского эскорта «Тени» и полетишь искать твоего капитана, – говорила ему настойчиво Элиза, со стальными нотками, которыми Адольф сам умел говорить с людьми, отдавая приказы.

– Эскорта больше нет, – ответил ван Фростен, начиная впадать в прежнее безразличие и останавливаясь, – от кампфгруппы «Теней» осталось, вместе со мной, несколько человек.

– Плевать! – почти выкрикнула Элизабет, яростно толкнула его в спину, и он опять побежал, – Ты возьмёшь кого угодно, кто может носить оружие и пойдёшь за своим капитаном.

Адольф не знал, почему он выполняет то, что говорит ему эта девушка, но понимал, что это правильно. Всё правильно. Лучший «подзатыльник» не смог бы дать сам фон Кассель, хотя Франц был большой мастер поставить задачу кому угодно и в какой угодно ситуации.

– Как ты знаешь, Альянс глушит сигналы навигации вокруг дворца, – лихорадочно, но чётким голосом говорила Элизабет, – поэтому я поведу тебя «вручную», простой маркировкой, прямым сигналом из развалин на поверхности. У нас очень мало времени. Ты понял, Дольф?

Теперь они бежали изо всех сил. Рухнув в кресло пневмолифта, ван Фростен стирал со своего лица белую пыль, становясь снова похож на человека.

– Да, – ответил он ей уже совсем другим голосом, – Всё понял.

Она разглядывала его, словно бы пыталась убедиться, пришёл ли он в себя окончательно.

– Кто Вы, лейтенант? – спросил Адольф, – Я никогда не видел Вас раньше.

Девушка из «Небесной канцелярии», которую звали Элизабет Сугэ, отрицательно покачала головой, как бы поясняя, что вопрос сейчас неуместен, и тоже упала в ложемент пневмолифта напротив. Она посмотрела на Адольфа ещё раз – глаза у ван Фростена были уже почти ясные. Удовлетворённо кивнув головой, она включила компенсаторы и нажала на панели пневмолифта горящую красным кнопку «Пуск». Капсулу лифта выстрелило, унося в извилистые развилки шахт, ведущие высоко вверх.

Лифт вынес их в центральный холл. Отсюда лучами расходились коридоры дворцового бункера, находившегося глубоко под наземной частью дворца Фридрихсхалле.

Они снова бежали, минуя сидящих, прямо на полу, пилотов, солдат лёгкой пехоты, и кампфгренадеров, в доспехах штурмовых групп. Регенераторов для раненных не хватало и несколько раз они пересекали коридоры, где рядами лежали солдаты, ожидавшие своей очереди. Везде царила растерянность и недоумение, близкое к отчаянию. Адольф старался не смотреть в лица раненных. Он знал, что он увидит там и не хотел, чтобы к нему снова вернулось это чувство. Он вспомнил нехитрый стих, который придумал его командир, капитан фон Кассель и каждый шаг на бегу отдавал в его мозг пару слов которые отвлекали его от безнадёжного фона, окружавшего его со всех сторон. ...Sei mutiger, Junge... Sei braver, Soldat...* – повторял он себе до бесконечности. Раньше это работало и с помощью такого метода даже пробежка превращалась в медитацию.

По пути он поднял брошенный кем-то автомат, «НК Gewehr 400», его тяжесть придала ещё больше спокойствия и уверенности. У входа на «ЗК»*, как всегда сокращённо называли Центральный Пост Управления, вместо солдат своего гвардейского эскорта, он увидел несколько массивных фигур в тяжёлых черно-белых, имперских доспехах. Это показалось странным, но ван Фростену на какую-то секунду пришла в голову нелепая мысль, что мог же прорваться кто-то из союзников-имперцев.

От мысли о том, что чудо случилось, что всё произошло так, как и говорил старина фон Кассель, сердце, на мгновение, разыграло радостью.

– Чудес не бывает, – урезонил он себя, когда увидел, что вместо черного, имперского орла на нагрудных эмблемах кампфгренадеров, плыл под полным парусом, древний как галактика, и простой, как молекула водорода, корабль, почти лодка, под которым аббревиатура RSG «Hanse»* не оставляла никаких сомнений. Ганзейская стражи, массивные безликие фигуры в тяжёлых доспехах имперского десанта, молча подняли оружие так, что ван Фростен увидел аккуратные отверстия стволов, направленные ему и Элизе прямо в лоб.

Их командир, громадный, как гора в своём доспехе, сделал шаг вперёд и протянул руку, как бы предлагая Адольфу сдать оружие. Ван Фростен видел перед собой только черное блестящее забрало его шлема и вдруг ему очень захотелось выстрелить туда, потом попытаться срезать ещё тех двоих стоявших за ним, без сомнения арестовавших герцога.

– Адольф, отдай оружие, – вдруг подала откуда-то сбоку голос лейтенант «Небесной канцелярии» Элизабет Сугэ.

Как раз в этот момент двери открылись и внезапно появился сам герцог Фридрих фон Цоллерн.

– Спокойно, ван Фростен, сказал он. – Спокойно. Отдайте оружие. Это друзья.

*«...боевых машин класса "AuRa»

Атмосфера и космос (Atmosphäre und Raum).

* «...Где-то высоко над дворцом висели "мулы" Альянса»

BMFAS "Mulo" боевая машина подавления сигналов атмосферной навигации "Мул" (Batalante maŝino por forigo de atmosferaj navigaj signaloj)

* «...поддержанной шагающими боевыми машинами управления боем, типа «Торо»

SBVK "Тауро" (Ŝturadaj batalo veturiloj kontrolante la batalo de la "Тауро")

*«...Elisabeth Suget, Leutenant, Himmelskanzlei.»

Элизабет Сугэ, лейтенант, Небесная канцелярия.

*«... У входа на «ЗК»

Zentrale Kontrollstelle,

Центральный контрольный пункт (управления)

*«...Raumschiffgesellschaft «Hanse»

Общество космических кораблей «Ганза»

4.Адмирал Головин.

Drum Schifflin Schifflin du mußt dich wenden

Du mußt den Bug nach Riga lenken

In die russische Kaufhandelsstadt,

In die russische Kaufhandelsstadt

Ein altes deutsches Studentenlied "Das Schifflin"

Итак, кораблик, сверни скорее

Пусть будет парус полней на рее

В русский город честных купцов

В Ригу, в город честных купцов

Старинная немецкая студенческая песня "Кораблик"

Кроме его светлости герцога, в дверях Адольф ван Фростен увидел ещё одну фигуру. Того самого офицера с русской фамилией, которого видел раньше, на переговорах в качестве посредника. Имя этого человека он не запомнил. На нём был такой же чёрно-белый доспех, как на страже, охранявшей вход. В этот раз, на рукаве над латной перчаткой, ван Фростен заметил широкий, золотой адмиральский шеврон с цифрой «четыре». Адольфа неприятно поразило то, что именно незнакомец, а не Фридрих, сделав знак рукой, приказал убрать оружие ганзейским солдатам.

Но герцога Фридриха, казалось, это нисколько не волновало. Он был внешне спокоен и вел себя так, как будто бы ничего необычного не происходило.

– Адмирал, – обратился к незнакомому человеку герцог, бегло кивнув Адольфу и внимательно посмотрев на Элизу, – вернёмся же обратно, у моих людей что-то срочное.

Незнакомец, которого герцог Остзее называл «адмирал», был без шлема, его можно было хорошо рассмотреть. Ван Фростен сказал себе, что это точно тот человек, которого он видел на переговорах.

Внешность его была довольно яркая, он выглядел моложе герцога, волосы русые, глаза серые. Герцог Фридрих был могучего, крупного сложения, он всегда, даже среди своего эскорта, казался выше на голову. Его коротко стриженный спутник, представлявший Ганзу, и бывший её «четвёртым адмиралом», как понял ван Фростен, несмотря на тяжелый доспех выглядел гибким, проворным, взгляд внимательный, даже немного тяжёлый. Кошачью внеш-

ность ганзейца дополняли русые усы, и заметные щёки с румянцем, тогда как крупное, скуластое лицо Фридриха, похоже, было выточено из скальных пород его родной планеты. Так, по крайней мере, показалось ван Фростену.

Конечно, трудно в наше время угадать возраст человека – тело *sapiens* обновляется с каждой регенерацией, но то, что этот ганзеец был одним из адмиралов Ганзейского Союза, бесспорно говорило не только о его высоком положении, но конечно, указывало на опыт и годы, без которого достижение адмиральского звания было бы просто невозможным.

Не успели все эти мысли пролететь в голове Адольфа, как все оказались внутри Центрального поста, где ван Фростен бывал много раз, и он увидел ещё несколько групп, по 3-4 солдата. Эти небольшие отряды тяжёлой пехоты с эмблемами Ганзы, стояли у каждого входа огромного зала, раньше всегда заполненного офицерами связи.

Чужая стража в самом сердце его родного Остзее показалась Адольфу не просто нелепой. Это было похоже на арест. А сам зал Центрального поста управления – то самое сердце герцогства – напоминал скорее пустую аудиторию Военной Академии после лекций. Адольф никогда ещё не видел его таким неживым и заброшенным. Работал только центральный экран, да ещё над их головами светилась, вращаясь медленно и спокойно, огромная голографическая проекция Млечного Пути.

– Ваша светлость, – не выдержал ван Фростен, обводя глазами зал – где же Ваш гвардейский эскорт?

– Адольф, – ответил ему герцог, протирая пальцами глаза, красные от усталости и бессонницы, – Вы пришли, только, чтобы спросить меня, где Ваши солдаты?

Герцог Фридрих подчеркнул слово «Ваши», и это звучало почти, как обвинение в дезертирстве.

Ганзеец вроде как усмехнулся в свои кошачьи усы, что вызвало злость и раздражение у ван Фростена. Но больше удивило его то, что Элизабет, как ему показалось, тоже знала этого ганзейца в чине адмирала. Адольф успел заметить, что они обменялись взглядами, как люди, давно и хорошо знавшие друг друга.

Ещё можно было сказать, что Элиза сейчас выглядела взволнованной и это было непонятно ван Фростену. Она хочет спасти его капитана чуть ли не больше, чем он сам. Почему? Это можно бы было объяснить делами амурными, но Адольф никогда не видел этой девушки раньше, хотя Франц фон Кассель был не только его командиром, но и другом. Они часто вместе проводили время в компании бескорыстных подружек и, насколько ван Фростен успел узнать Франца, не в его правилах было заводить служебные романы.

Однако простая логическая последовательность событий двадцатиминутной давности показывала, что его друг Франц фон Кассель почему-то очень важен для этой девушки-лейтенанта, точно знавшей, что она свободно и легко попадёт к герцогу. Ван Фростен даже подозревал, что она могла знать о наличии здесь ганзейского адмирала, так тепло они обменялись друг с другом взглядами.

– Ваша светлость, у меня приватное сообщение чрезвычайной важности, – настойчиво сказала Элиза.

Теперь ван Фростен обратил внимание на то, как по-особенному, с нежностью и даже любовью их герцог посмотрел на Элизу, потом кивнул ей, и они отошли в сторону. Рядом остался только ганзеец, с широким золотым шевроном на рукаве, чье общество было неприятно Адольфу. Ганзейцы – союзники Альянса – значит, враги. Кроме того, этот человек-адмирал, с кошачьими усами, был намного старше его по званию. Всё это давало повод ван Фростену молчать, чем он с удовольствием и занялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.